

Рашида Стикеева

Путешествие в обратном

Рассказы

Рашида Стикеева
Путешествие в обратном

«Издательские решения»

2015

Стикеева Р.

Путешествие в обратном / Р. Стикеева — «Издательские решения», 2015

«Субботний вечер зажег осенние звезды. В доме напротив, в окнах, шло настоящее веселье. День рождения или встреча друзей — было непонятно. Люди вдохновенно ели, пили, танцевали. Женщины были прекрасны, а мужчины обходительны. Нина засмотрелась. Было странно, что за стеклами этих окон — совсем другая жизнь...»

Содержание

Рита	6
Путешествие в обратно	6
Сватовство	15
Экспедиция	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Путешествие в обратно

Рассказы

Рашида Стикеева

© Рашида Стикеева, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Рита

Путешествие в обратно

Телефонный звонок раздался как гром небесный. Я бегу к телефону, а в голове щёлкает сценарий самых ужасных событий: убили, ограбили, сломал ногу, руку, шею...

Мой сын второй год учится за границей. И каждый поздний звонок мною тяжело воспринимается.

– Ритка, привет! Мы козу купили! Поздравь нас! – из телефонных недр слышу взволнованный голос старшей сестры Майи.

Я стараюсь медленно вдыхать, но выдыхаю подобно Змею Горынычу, выпуская пары раздражения и несостоявшегося ужаса:

– Ты меня без сердца оставишь! Я уж думала со Стасом что-то... Что за коза? Постой, зачем вам коза? Вам что, там делать нечего? Какая коза? У вас же черепаха есть!

– Такая чудесная козочка! – она пропускает мимо ушей традиционный призыв к родственной перепалке. – Нубийская порода. Красота просто неземная!

– Что за блажь?! Какая такая нубийская? А что, наши северные машки-зойки перестали вас устраивать? Вам теперь заморских подавай?

– Да не ворчи ты! Черепаха в порядке! Мы ей друга нашли. Лучше приезжай, сама на всё посмотришь! Когда у тебя отпуск?

Год спустя я лечу на родину, в Тюмень, в гости к сестре. А заодно и на смотрины к этим самым козам.

Самолет до Москвы летит шесть часов – достаточно времени, чтобы предаться воспоминаниям.

Жизнь в детстве и отрочестве делилась на две географические части: Казахстан и Западная Сибирь. Ежегодно получались две поездки: Семипалатинск – Тюмень.

Непонятно, где был дом. Сейчас понимаю – в Тюмени, на берегу реки Туры, в доме с высокой зелёной крышей, деревянными воротами и тяжёлым медным кольцом на них.

Больше всего бабушка боялась, что я, маленькая ростом и несмелая во всём, потеряюсь в этих бесконечных путешествиях. До сих пор слышу её голос: «Держите Риту за руку, а то потеряете!»

В начале жизни надёжно держала мамина рука, дальше – уверенно рука любимой старшей сестры.

Ранняя память зацепила немного.

Себя я помню с шести лет. Сколько помню, ежегодная поездка на этническую родину начиналась с маминых слов:

– Едем домой! В Тюмень!

Тюмень в советское время – деревянный, глубоко провинциальный сибирский городок. Больше похожий на большую деревню. Хотя во всех советских географических справочниках Тюмень, столица деревень, значилась как столица Западной Сибири.

Река Тура делит город на две части: верхний город и нижний.

Речка эта незначительная, но коварная. Прямоком впадает в могучую сибирскую реку Лену и несёт свои мутные потоки дальше в северные моря. Воды её никогда не бывали светлыми и прозрачными. Весной она поднималась, разливалась и заливала всю нижнюю часть Тюмени, именуемую Заречной или просто – Зарекой.

В конце брежневской эпохи молодое поколение заречной части города стало активно обживать верхнюю его часть, обзавелось квартирами или просто строило дома на безопасном расстоянии от воды.

Со временем к началу потопа основная часть заречного населения успевала перебраться «наверх», но старожилы были верны своим гнёздам.

И бабушка моя была верна своему дому. Она забиралась с любимой козой на крышу и терпеливо пережидала наводнение.

Картина была преинтересной: на чердаке, в чёрном проёме небольшого окна без стекла, бабушка в светлом платочке, рядом бородатая и рогатая козья морда. Такая вот картинка, как из детской книжки со сказками, где весёлое блаженное старушечье личико бок о бок с натуральной козьей рожей радует глаз маленького читателя.

Кругом мутная водная гладь затопленной улицы. Вдоль «тротуара» на лодках от крыши до крыши, а на поверхности воды видны только черепичные гребешки и печные трубы, «гуляет» молодёжь, а те, кто старше, сидят в обнимку с домашними животными, перекрикиваясь друг с другом: передавая последние новости погоды и разные сплетни.

Прошли годы, ничего не изменилось, разве что силы коварной речушки поубавились: уровень потопа стал меньше, вернее, ниже, но это весной...

А летом мы садились на поезд и ехали две ночи и два дня. Молоденькая мама с бабеттой на голове и в коротком платье, я – маленькая, с бантом в тонкой косе, в трикотажной кофте с кармашком для носового платка и куклой в руке. У мамы в одной руке фанерный чемоданчик с металлическими нашлёпками на углах. К чемодану привязана плетёная авоська, в авоське мой эмалированный горшок с отбитой ручкой. В другой руке мама крепко держала меня, а я держала верную куклу Катю, и мы путешествовали.

В Рубцовске наш состав стоял шесть часов и ждал паровоза. К нему прицепляли этот бесхозный состав, и он мчал нас дальше и быстрее. Это уже не Казахстан, но ещё и не Россия – граница. Здесь под солнцепёком торговали всякой вкуснятиной и яблоками. Снедь домашнего приготовления в виде разваристой картошечки с укропчиком, вареников со сметаной, домашних крепких малосольных пупырчатых огурчиков, глянцевого плотненьких помидоров, домашних крупных варёных яиц, отварных загорелых кур и жареных аппетитных пирожков – всё представлено в широком ассортименте. Но мама строго-настрого запрещала мне смотреть в эту сторону. Она за гигиену приготовления и чистые руки. Мне приходилось только тарашить глаза и глотать слюнки, а ещё довольствоваться тщательно протёртыми чистым носовым платком молодыми яблоками. В вагоне тоже покупать ничего нельзя: всё подозрительного качества. Ну, разве что молочный шоколадный батончик в скромной обёртке.

Поезд, покачиваясь, спешил в сторону Западной Сибири. В купе становилось прохладней и тише. За двое суток все друг другу про всё рассказали: приключения, трагедии, болезни, семейные тайны, байки, сплетни. Сказки про запечных домовых тоже входили в обязательную программу общения.

Мы выходили на станции Тюмень Товарная в пять утра.

Мама – довольная, я – заспанная, но послушная. От станции до бабушкиного дома пешком сорок минут.

Город ещё спал, но уже отдельными домами просыпался. Светлая северная ночь таяла на глазах. Мама оглядывалась, со вздохом отмечала перемены, а я ничего не замечала, мне просто хорошо.

Мы доходили до деревянного моста. Здесь начинался старый город, и здесь небольшой отдых. Мама садилась на чемодан и улыбалась. Я бежала к перилам и смотрела вниз, в собственное отражение в тяжёлой речной глади.

Шли дальше, и вот уже знакомая улица, с деревянным тротуаром вдоль крепких сибирских домов. Кричали петухи, где-то позвякивали козьи колокольчики и слышались «му-у-ука-

ния» – коровьи позывные. Я, громко топая подошвами сандалий, вырывалась вперёд и бежала к знакомому дому с высокой зелёной крышей. У открытого окна сидела бабушка. Каждый год одна и та же сцена: я кричала что есть сил, так, что начинали лаять соседские собаки:

– Мы приехали!

Бабушка всплёскивала руками, мама смеялась!

Стоп, кадр! И как на старой потёртой фотокарточке, все замирали: счастливые, молодые и... живые.

Давно нет мамы, бабушки, даже дома с зелёной крышей и высокими воротами. Деревянный тротуар закатали под асфальт. Но есть сестра, брат, ещё сестра, и, значит, Родина на месте. Теперь я прилетаю в аэропорт «Роцино», где меня встречают и везут в высотный дом с домофоном и лифтом в новом спальном районе перспективного западносибирского областного центра.

Заречная часть города густо заселена кавказскими беженцами. Домашнюю живность не разводят. Всё хозяйство переехало ближе к лесу.

Город чистый и прибранный усилиями приезжих гастарбайтеров.

Я – сорокапятилетняя тётка, сижу в аэропорту «Домодедово», жду самолёт Москва – Тюмень.

Из-за непогоды рейс откладывается. На аэродром накатывают низкие грозовые тучи, а на меня накатывают воспоминания.

Самые яркие воспоминания детства связаны со старшей сестрой Майей. Одно из них – поход за грибами.

Нас отпустили за грибами: «Не далеко... и только до ближней опушки!» Мы обещали обозначать присутствие частым ауканием.

По грибы ходят ранним утром. Утро в Сибири серое и росное. С восходом солнца лучи щедрого тёплого света падают ливнем на лес. Умытый, он переговаривается птичьими головами. Всё радо ослепительному солнцу. Роса блестит каплями бриллиантов на изумрудной зелени. Тысячи маленьких солнц загораются и гаснут, умирают. Мы с сестрой жмуримся, чтобы не обжечь глаза.

Вот и первый гриб! Он важный, как купец, и осторожный, как партизан. Прячется в тени от опасности. «Нет уж, не уйдешь», – говорю я, осторожно срезаю ножку и кладу в корзину. Стоит отойти на сто метров, как... вот оно!.. целое семейство боровиков. Всё это тёплое грибное гнёздышко перебирается к нам с сестрой в корзинки.

Мы садимся на пеньки отдохнуть. Здесь на вырубках буйствуют ромашки, иван-чай и кипрей.

Из кипрея заваривают чудный красный витаминный чай. Мои сибирские тётушки добавляют веточки шиповника, чёрной смородины прямо в самовар. В трескучие зимние вечера этот чай из самовара своим нежным ароматом напоминает наше короткое сибирское лето. В этом краю цветы не поражают воображение густотой красок. Они редки, скромны, неприхотливы. Зато травы представляют всю зелёную палитру: от нежнейшего зелёного оттенка до тёмно-густого цвета. В этом буйстве трав живёт и гудит комариная ярость.

Мы бежим из этого «кусного рая» без оглядки, на ходу обрывая с черёмуховых кустов чёрные глянцевые ягоды.

Все искусанные комарами возвращаемся к нашему стойбищу, но с полными корзинками грибов, охапками душистой травы и редких цветов в руках. Дядя и брат тоже довольны: они удачно «шишковали». У колеса высокой грузовой машины лежат мешки, набитые кедровыми шишками.

Зал ожидания полон нефтяниками, рейс задерживается. Высокое нефтяное начальство перебрасывается картишками. Оглядываюсь на летное поле. По полю плотной полосой идёт дождь. И снова вижу почти сорокалетнее прошлое: «Даёшь двадцать жмуриков!»

Свадьбу старшей сестры из-за малолетства почти не помню. Помню только жаркое лето, белое, короткое, без рукавов, с круглым вырезом, платье и маленькую расшитую фату на высокой причёске смущённой сестры. Ещё помню, как хотелось оттолкнуть новоявленного жениха и усесться на колени самого родного человека и не пускать ни в какое замужество. Ведь она мне заменила рано ушедшую маму.

В начале осени молодого мужа призвали в армию. И теперь не понимаю, как случилось, что через несколько месяцев свадьбы Алексея забрали служить. Конечно, не рядовым солдатом, но всё же...

Спустя несколько месяцев сестра засобиралась к месту службы новоиспечённого супруга, а именно: Томская область, учреждение №... общего режима, в охранное ведомство заключённых.

Набрав консервов и прикупив в подарок мужу рубашку местной фабрики «Большевичка», сестра было ринулась в дорогу. Но не тут-то было!

– А Ритку с кем? Все же на работе! – бабушка приготовилась подробно обсудить мою сиротскую долю в отсутствие старшей сестры.

– К мужу ж еду! – напомнила Майя.

Я тут же почувствовала себя тяжёлым довеском в её молодой жизни.

– Правильно, муж ведь, а не жених! – парировала бабушка. Времени на обсуждение было мало. – До вокзала ещё добираться надо, – ворчала она, приводя веские доводы.

– Майка, Майка! Где твои трусы?! – дурашливая рожица младшего двоюродного брата, подкинутого так же, как и я, поставила точку в коротком диалоге.

– Лучше с ней нянькаться, чем за этим бегать, – кивнув в сторону малолетнего хулигана, сестрица сделала выводы в мою пользу и начала суетиться, собирая меня в дорогу. Через десять минут, закутанную по самые глаза, меня вывели за дверь. За дверью минут двадцать восемь.

– А пописать? Ты в туалет хочешь?

Я быстро-быстро покивала головой. Ещё время на разматывание, потом в платок и в шапку по новой... Скрип двери, пожелания доброй дороги и:

– Ну, с богом! Никуда, слышишь, никуда от сестры не отходи! Ничего не проси!

В спину ещё донеслось, видимо, для нас обеих сразу:

– Держи её крепко за руку!

Перед глазами ослепительная белая снежная дорога, клубы паровозного пара, толкотня на перроне и бессонная ночь в общем вагоне скорого поезда.

Наутро прибыли в Томск. Лёша, заиндевелый, с белыми от мороза бровями и усами, топчется возле вагона. Нежно целует молодую жену. Мне достаётся похлопывание по упакованной в шапку и шерстяной платок голове:

– Привет, родственница! – весело приветствует он.

Усаживаемся в кабину раздолбанного штабного грузовичка, и через полчаса дороги не чувствую ни рук, ни ног от холода. Вокруг всё заиндеVELO и насмерть замёрзло.

Молодые воркуют. Машину трясёт по колдобинам узкой снежной дороги. Вдоль неё высотой полтора метра голубоватые сугробы.

Молодожёны счастливы. Нет зимы, нет снега, нет мороза, нет впереди зоны общего режима с колючей проволокой, нет зеков. Только есть я – ответственность перед бабушкой – и они со своей любовью.

Наконец прибыли в поселок, который находился в двух километрах от лагпункта, места службы Алексея. Нас разместили в маленькой избушке во дворе большого хозяйского дома.

По словам хозяйки, те, кто отбывал свои долгие сроки за колючей проволокой, были тихими и вежливыми.

– Им даже попа из соседней деревни приглашали! – довольная, рассказывала она нам, при этом налегая на тяжёлую низкую дверь и радушно приглашая пройти внутрь.

В доме было уютно и... тесно. Прихожая плавно переходила в кухню. А посередине главной комнаты стояла большая русская белёная печь, перегораживая её на две части: маленькую и ещё меньший закуток, куда я немедленно была спроважена.

Лёша был с нами недолго. Всё показал: где дрова, где вода в кадке и где магазин.

Всё остальное помню отрывками. Утром холодно и зябко. За остывшей печкой возня, шёпот и шорохи. Потом Лёшины шаги в сторону двери и веселое: «Пока, девчонки!»

Молодая жена начинает хлопотать по хозяйству. А я пытаюсь одеться, стуча зубами.

Днём тоже хлопоты, вечером жаркая печь, ужин, Лёшины счастливые глаза. Перед сном снова возня и хихиканье за печкой.

Не помню точно, сколько прожили, но самым счастливым из нас был Алексей.

Наше гостевание закончилось как-то внезапно.

В один из дней мы с сестрой отправились в контору на территории зоны. Алексей был на дежурстве. То ли сестре чего понадобилось, то ли просто соскучилась по мужу. Возле КПП сестра отпустила мою руку.

Был конец декабря. Предстояли новогодние праздники и новые пятилетние планы для дальнейшего построения социализма. Советские люди рапортовали о проделанном и брались за новые выполнимые обязательства.

Пока Майя вела переговоры с дежурным, я, прогуливаясь рядом в двух шагах, принялась читать праздничные лозунги, вывешиваемые двумя серо-синими зэками. Серые – от застиранных бушлатов, валенок и шапок, а синие – от мороза. Три новогодних плана-воззвания были уже готовы. Висели и радостно гласили: «Даёшь честный труд в ударной пятилетке!», «Новая пятилетка за три года!» и «Помни – на свободу с чистой совестью!». Содержание двух первых транспарантов знакомо, малоинтересные, они были повсюду в моей жизни.

А вот последний кумач очень даже заинтересовал меня не только написанием, но и содержанием.

Зэки ещё не совсем развернули красную хлопчатобумажную дорожку и, громко матерясь, теряя гвозди и роняя молоток, беспрестанно согревая руки собственным дыханием, укрепив один край, пытались пристроить другой, придерживая за середину.

– «К Но-во-му го-ду да-ёшь двад-цать жму-ри-ков!» – тихо читала я, вывернув голову. Правый край западал. К зэкам подошли ещё два таких же сизых товарища в фуфайках и в высоких валенках. Сначала немного молча покурили, потом, ругаясь, давали советы, а затем, видимо, прочитав и осознав, стали громко ржать. Я же всё читала и читала, пытаюсь понять, что такое или кто такие «жмурики» и почему на них выдвинут план выполнения. Устав от непонятности, я дёрнула подошедшую сестру за край шубы:

– Май, а кто такие «жмурики»?

Сестра осталась стоять с открытым ртом. Потом резко повернулась в сторону КПП, и раздался такой крик, что, по словам Лёши, прозвучал как сирена воздушной тревоги. Схватив меня в охапку, Майя бросилась бежать по дороге до посёлка.

Там сестра развила такую скорость по сбору нашего малого имущества, что хозяйка, созерцавшая наше быстрое возвращение из окна, едва успела протопать от своей двери к нашей избёнке.

– Что, что стряслось?

– Всё, уезжаем, всё! Ни минуты не задерживаемся! Ужас какой! Они тут план взяли по «жмурикам», а у меня ребёнок на руках. Что я скажу родителям ребёнка? – забыв, видимо, что в данном случае она и является этим самым родителем, выпалила Майя. – Это всё бабушка...

Скорые сборы шли под Майкины увещевания. Быстро попрощавшись с хозяйкой, мы также быстро пошагали по дороге в сторону станции.

– Да шутят они так, юмор у них чёрный, черней некуда! – неслось нам вдогонку. – Подождите, девоньки! – хозяйка махала куда-то рукой. Из-за поворота медленно выдвигалась крытая военная машина.

– Садитесь, до станции довезёт!

– Спасибо! С Новым годом!

– С Новым ...новым!

– Ну, кто такие «жмурики»? – я вновь дёргаю сестру за руку, уже устроившись в вагоне поезда.

– Это люди, которые зажмурились.

– Почему они зажмурились? Или, может, от чего-то они зажмурились? Объясни мне, Майя!

Мы сидим в купе общего вагона и едем обратно в Тюмень. Сестра сердится и нервничает. Ругает Лёшу, который всё это затеял, ворчит на бабушку, которая сунула меня, несчастную, ей, такой же несчастной.

– Жмурики, это... жмурики – мертвецы, значит! – мужчина на соседней полке, пахнув водкой и овчинным тулупом, весело оскалился. – Ты меня спроси, я тебе всё про жмуриков расскажу.

– А план почему? – обрадовалась я собеседнику.

– Юмор у зеков такой... новогодний. Пошутили они... – встряла в диалог сестра, досадливо поджав губы.

Лукавый соседущка напротив прищурился и, негромко вкрадчиво добавив, просветил:

– У государства свои планы, у зеков свои... им тоже праздника хочется... всяких там перспектив и светлого будущего! Что они, не люди что ли?! – и неторопливо сняв валенки, крепко обдав запахом давно не стиранных носков и не мытых ног, полез на верхнюю полку. Оттуда, громко вздохнув, подытожил:

– Эхе-хе-хе! Всюду жизнь, девоньки!

Утром молча сошли с поезда и молча добрались до бабушкиного дома. А через три дня к самому новогоднему столу вдруг появился Алексей. Все выскочили к дверям, радостные, а он кружил сестру и приговаривал:

– Ох, девчонки! Какие вы у меня молодцы!

Как выяснилось, после Майкиных воплей всё лагерное начальство из конторы вывалилось наружу, на мороз. Вначале все впали в ступор от увиденного и прочитанного, а потом навёлся такой шмон! Нашего Алексея под шумок было решено отправить в отпуск, домой, как говорится, от греха подальше.

Из репродуктора доносится:

– Самолёт приземлился в аэропорту города Тюмени. Температура воздуха за бортом...

Маленький специальный автобус высаживает нас у «Выхода в город», и я вижу бегущего мне навстречу зятя Алексея. Постаревшего и поседевшего. За ним следом – довольная сестра.

– Мы тебе своих козочек покажем. Завтра и поедем! – сестра даёт директиву, Лёша, улыбаясь, заводит машину.

– Может, потом...

– Как это потом?! Завтра! Завтра!

Н-да уж, со старшей сестрой не поспоришь!

– Как ваша черепаха? – вспоминаю я. – У вас была такая миленькая черепашка. Живая?

– Так нет черепахи, – зять, поглядывая в зеркало заднего вида, аккуратно разворачивает машину.

– Как так? Куда дели? – удивляюсь я.

– Да в школу, Катюшке в класс, и отдали. У них там зелёный уголок...

– А чего так? – пристаю с расспросами, желая знать подробности.

Тут сестра вздыхает и смотрит в окно машины, Лёша веселится и налегает на руль.

– Жила она у нас, не тужила. Всё было хорошо! Только вот я решила заняться её личной жизнью, – Майя вздыхает и снова разглядывает пейзаж за окном машины.

– Какой жизнью? – отчаянно не понимаю я.

– Лично, личной, – зять Лёша хохочет. – Черепашьей личной жизнью!

Сестра поворачивается ко мне:

– А что такое?! Я ведь думала, ей скучно одной. Нас вон четверо, у кошки Анфиски есть Василий-дармоед, ну и принесла ей... мальчика... на время.

– То есть принесла черепаху мужского пола, – Алексей развлекается от души.

– А она? – переспрашиваю удивлённо.

– А у нее депрессия! – так же удивлённо отвечает сестрёнка.

– Как это? – обалдела я от услышанного.

– Перестала есть, пить, закрыла глаза и сидит в углу. Через неделю кинулись. Думали, всё – померла. Н-е-ет, живёхонька! Только сидит в углу с закрытыми глазами. Мы к ветеринару, так, мол, и так, что с ней? А он и говорит: странные вы люди! Навязали даме, в смысле черепахе, нежеланного, нелюбимого, еще, поди, и невоспитанного. И хотите, чтобы она жизни радовалась! Вот она и предпочла: лучше голодная смерть, чем видеть это безобразие возле себя. И впала в депрессию.

– Так и сказал? – выдыхаю я.

– Так и сказал, – тяжело вздыхает сестрица. – Кто же знал, что и у черепах всё так не просто.

– Вы-то что? – не унимаюсь я.

– Мы ничего... – Лёша умело припарковался возле высотного жилого дома. – Я на утро завернул капризную барышню в тряпочку и унёс к дочери в школу. Подальше от личной жизни, поближе к общественной. Всё, приехали!

Пару лет назад моя беспокойная сестрёнка наткнулась на объявление в интернете о продаже нубийских козлят и загорелась желанием их приобрести. Надо полагать, вместо неудавшегося эксперимента с черепахой решила заняться козами. На тот момент они имели маленький домик в лесу, именуемый ни больше ни меньше – дачей.

Там же в лесу жили несколько семей – беженцев из Кавказа. Видимо, те, кому удалось спастись от войны. По словам зятя, сам глава всей этой кавказской семьи был приветливый и общительный мужик. Авторитет в своём становище. А вот его жена долго пряталась от посторонних глаз. Детей четверо, мал мала меньше, но все воспитанные, аккуратные. Утром хозяин садил ребятишек в разбитые старенькие «жигули» и вёз в школу. За ним тянулась ещё пара таких же машин ближних родственников, чьи дома стояли рядом, забор в забор. С соседской женой познакомились ближе после того, как мои родственники привезли козу с козлятами.

Дом у зятя не достроен, стоит без окон и дверей, а на носу уже октябрь.

– Как же ваши козочки здесь одни? – спрашиваю я

– За ними соседка приглядывает. Любит наших коз. Денег пока у хозяина нет на покупку своих козлят, да и, по его словам, всё это блаж. Вот она нашим хозяйством и занимается. Исключительно из любви к животным.

– Хорошо, надо сказать, устроились! У них своей скотины мало? – по-родственному ввернула я.

– Так мы же не просили. Она сама к нам пришла. То всё пряталась, а тут сама и пришла. Давай с козами разговаривать, на своём лопочет, даже поплакала немного. Вот мы и задружили...

– И пристроили ей своих коз, – подытожила я. – Откуда они приехали?

– Из Кавказа, понятное дело.

Ехали мы долго, часа полтора, не меньше, в основном по тайге. Вдруг лес расступился и на огромной поляне образовалась целая деревенька. На самом краю недостроенная избушка зятя. Лёша, съезжая с дороги и проезжая мимо аккуратных соседских построек, дал громкий сигнал, приветствуя всех.

– Вот мои дорогие! Вот мои золотые! Девочки мои ненаглядные... – сестра, выйдя из машины, запричитала, двигаясь в сторону дома, который стоял как в той сказке: без окон, без дверей и к лесу повернутый задом.

Навстречу выбежали три козы. Одна постарше, повыше, две совсем молоденькие. И закружили вокруг нас, не давая себя разглядеть.

– Да стойте же, окаянные! – Майя поймала самую маленькую.

Что это была за внешность?! Совсем не козлиная. Большие висячие уши, римский профиль – нос горбинкой, выразительные глаза с поволокой. Царевна Буду-у-р!

– А это Хоббик! Здравствуй, Хоббик! Здравствуй, мальчик! – в ответ козлёнок радостно повизгивал, подпрыгивал на своих длинных ножках. Получив лакомство, выдал, какой-то радостно-рыкающий звук. Дальше принялся кружить вокруг нас, издавая басом напоминающее отдаленно «Ма-ма!».

Я смотрела во все глаза.

– Он ещё и петь умеет.

– Как это? – забыв про всё на свете, таращась, спрашиваю.

– Услышишь ещё! Причём всегда с трагическим мотивом. Поистине «козлиная песня»! А это Маня! – сестра обняла за шею подошедшую козу. – Она самая старшая и самая спокойная. Мы её доим. Знаешь, какое вкусное молоко, правда, мало даёт, зараза! Весит при этом всё почти сто килограмм.

– И это ты называешь спокойная?! – удивилась я и кивнула головой в сторону рванувшей из-под хозяйской руки козы. Та понеслась в сторону недостроенного дома, увлекая в этот безумный хоровод двух оставшихся. Со стороны длинноногие козы были похожи на маленьких стройных лошадок еще и благодаря гнедому окрасу. Шерсть необыкновенной красоты – короткая и очень блестящая.

– Какие они шумные! – воскликнула я.

– Да уж... – Алексей с тревогой поглядел на карусель из животных. – Слишком резвые, особенно молодые. Ноги у них бегут быстрее, чем думает голова ...из-за этого попадают в неприятные ситуации: где-то застрянут, куда-то провалятся... – Лёша замолчал, вглядываясь в своё стадо.

Молоденькая козочка приостановилась, подошла к хозяйке, встала на задние копытца, поднялась и потянулась всем телом к лицу хозяйки.

– Ты моя красавица! – хозяйка раскинула руки.

Коза тщательно обнюхала её лицо, потёрлась носом об рукав куртки и отпрыгнула с радостным криком. Карусель продолжила свой бег.

Мы стояли посередине участка, обсуждая недостроенный дом, погоду, урожай грибов и ягод, соседей, а козы носились вокруг нас с радостным повизгиванием, казалось, не касаясь земли, только уши-крылья развевались по ветру.

Алексей занимался крышей, когда Маня решила пробежаться по свежим полам нового дома. За ней, разумеется, все остальные. Войдя в раж, она сиганула в окно, благо оно без стекла, и, удачно выпрыгнув, обрадовалась. Что-то прокричав младшим, побежала повторять свой подвиг, за ней молодняк. Мы стояли в растерянности, забыв про свои ягоды-грибы. Лёша напряжённо поглядывал сверху.

Козы резвились до тех пор, пока Манечка, зацепив копытом оконную раму, не вылетела вместе с ней на шее вон, на воздух, раскинув свои длинные «балетные» козы ножки, и не шлёпнулась с громким шумом на землю, распластавшись. Остальные, соответственно, ринувшись за ней по закону физики в более свободный оконный проём, попадали сверху, создав тем самым небольшую горку из растерянных, испуганных козлов (в прямом смысле).

Падал, кружась, снег, перекликались соседи на своих участках, только у нас было тихо-тихо. Козы полежали немного, потом поднялись, стряхивая с себя землю и стружки, а затем снова понеслись, кружа и повизгивая в своём сумасшедшем козлином танце. На то, видно, они и козлы!

Зять Лёша развёл руками, крикнул, крепко, смачно выругался и только потом добавил вполне удобоваримое:

– Козий карнавал какой-то! Устроили, понимаешь, праздник!

Спустя полгода, имея грустный повод для внеочередного приезда – похороны любимой тётушки, обняв племянницу, я тихо спросила, понимая, что не совсем вовремя:

– Как мамины козы?

– Продали вместе с лесной дачкой, – грустно ответила Катя.

– Кому? – ахнула я

– Так тем же... кавказцам... Папа сказал, что терпение у него закончилось, а вместе с ним и любовь к козлам.

А жаль! Я уверена, погоревав о козах, сестра ринется заводить, разводить, строить, благоустраивать, выращивать что-нибудь ещё или кого-нибудь. И милый зять Лёша будет во всём поддерживать, пока у него снова не закончится терпение.

Поживём, увидим!

Сватовство

В начале лета Таньку выдавали замуж.

Двор, безжизненный пятак земли, выжженный южным солнцем, в окружении четырёх пятиэтажек, с редкими кривыми деревьями, посаженными от подъезда к подъезду, гудел и волновался:

– Таньку сватать придут! Настоящая сваха придёт! Откуда только нашли? Тут все граждане охвачены ударным трудом. Страна рапортует...

Планы пятилеток сдаются досрочно, а они сваху какую-то придумали!

Всем соседям в округе хотелось знать подробности: что и как, но верный источник отсутствовал. Решено было отправить разведчика к Танькиному отцу.

Папаня этот был известный выпивоха и матершинник. Да и рожа у него была что ни на есть самая разбойничья, разве что чёрной нащёпки на глазу не хватало.

Никого и ничего не боялся, кроме своей родной и любимой жены. Только она имела над ним безграничную власть. Только при ней рот его закрывался сам по себе независимо от количества и качества принятого горячительного напитка.

А открывался он в любое время суток опять же независимо от погоды, особенно при виде соседки Анны Николаевны. Для него она была наглой и хитрой Нюркой. Ругаться добрые соседи могли сутками напролёт. Благо Нюрка была уже пенсионеркой, а дядь Митя работал сутки через двое. Ругались от души с утра и до вечера с перерывом на обед. Причину столь непримиримых и недобрососедских отношений никто не знал. Все думали, что Нюра знает страшную Митькину тайну и Митька её за это хочет извести, свести в могилу, чтоб, значит, и тайна ушла вместе с ней. А пока весь подъезд развлекался, слушая и наблюдая за весёлой парочкой.

Самое интересное в этой истории то, что с женой дядь Мити – Тamarой – отношения у Анны Николаевны были самые что ни на есть добрые, даже, можно сказать, чуткие и нежные.

Почти каждый вечер перед приходом дражайшей супруги дядь Митя исчезал ненадолго, потом появлялся в дверях подъезда в чистой майке, бритый, умытый. Спокойно кивал соседке, всё той же Нюре, усаживался на скамейку и, важно закуривая, молча поджидал жену со смены. Рядом с ним дворовый пёс Кузьма. В одно время вдруг, к удивлению жильцов, правда, ненадолго стал Кузиной, разродившись тремя щенками, но этот факт несколько не повлиял на дружбу дядь Мити и вновь восставшего из Кузины Кузьмы. Щенков разобрали.

Весельчак и балагур, дядь Митя долго беседовал с дворнягой на разные «половые» темы под окнами своей квартиры, растолковывая несмышлёной особе деликатные стороны дела, где и был подобран вернувшейся с вечерней смены строгой супругой.

Накануне днём весь двор был уже в курсе Танькиных жизненно важных событий.

Район был новый, наспех сданный. Дома – кирпичные пятиэтажки – сверкали новыми блестящими крышами. Подъезды в домах – свежеекрашенными входными дверями.

Стариков мало, детей много, родители молодые, все сплошь стахановцы соседнего комбината. И вдруг на тебе – сватовство, сваха самая что ни на есть настоящая. На дворе конец семидесятых. И как такое придумали? Где только взяли?!

Дело шло к вечеру, но народ во дворе не унимался: волновался и с нетерпением ждал главных событий.

Ближе к шести часам во двор неожиданно въехал ярко-красный «москвич». Из машины вышла небольшая делегация, центром которой была немолодая женщина, во всех отношениях яркая: пергидрольные волосы дыбились над головой, синие веки до самых бровей раскинулись над густо покрашенными ресницами. Откидывая неестественно белые пряди, она тянула за концы накинутый на плечи огромный цветастый платок, хотя вечер был по-летнему тёплым.

Сваха громко призывно смеялась, запрокинув голову, ослепляя зрителей церемонии морковной помадой и золотыми коронками зубов.

Актёрка задорно оглядела рабочую площадку, охватив взором многоголосый двор, явно готовясь к выступлению. Вслед за ней тянулись: смущённый жених с мятым галстуком на шее и оттопыренным карманом засаленного пиджака, весёлый мужик в смешной кепочке и с большим баяном в руках. Чуть дальше спокойный пожилой мужчина, с цветами, в чёрном костюме, и перепуганная толстушка в яркой косынке.

Соседи подтягивались. За тюлевой занавеской первого этажа небольшой Танькиной квартиры метались тени, а из открытого окна неслись головокружительные запахи: пеклось, жарилось и варилось... Ждали сватов.

На скамейку, прямо под окнами обозначенной квартиры, с весёлыми, но строгими наставлениями был выпущен и дядь Митя. Обласкав верного Кузю – Кузину, весёлый папаша определил значимость предстоящего мероприятия:

– Пропьём сегодня Таньку! Как пить дать пропьём! – и, прищурился правый глаз, начал оглядываться.

Из окна выглянула Танькина голова: ойкнув, исчезла, вновь появилась и вновь исчезла.

Сваты медленно продвигались в сторону подъезда, переговариваясь и смеясь.

По мере их продвижения подтягивалась и зрительная часть, только у подъезда, кроме папаши, пока никто не наблюдался.

Первым не выдержал дядь Митя:

– Том, а Том... Тамара! – зычно и раскатисто позвал он жену, подтягиваясь всем корпусом к окну. – Люди ждут!

В дверях подъезда послышался шум, возня, и на одну-единственную ступеньку вывалились разноцветные взволнованные женщины во главе с Танькиной матерью – Тамарой.

– Милости просим, гости дорогие! – растерянно зачастила она с порога, разве что не кланяясь. – Милости просим!

Весёлая цыганистая тётка двинулась ей навстречу, распахнув платок, придерживая его за широкие концы раскинутыми руками.

– Мы тут мимо проходили, – громко певуче выводила хорошо поставленным голосом сваха. – Дай, думаем, заглянем в это окошко, – сделав паузу, сверкнула глазами, огляделась и повела дальше своё представление: – Да как у вас красный товар, а у нас молодой купец...

Молодая Ритина мама вышла из кухни с чашкой в руках.

– Какой такой ужас, Рита? Иди, умойся, руки хотя бы помой...

– Да вы что, ничего не знаете?

– А что случилось? – тут и серьёзный Риткин папа снизошёл до беседы.

Вышел с газетой в руках. Встал в проёме двери: молодой, высокий, красивый...

– Ленкину Таньку сва-та-ют, вот что!

Ритка и Ленка – подружки не разлей вода. Они вместе ходили в школу в третий класс, теперь уже в четвёртый пойдут. Вместе играли в вышибалы, вместе лазали на чердак, куда им строго-настрога запрещено было свой нос девчачий любопытный совать. Вместе подглядывали за Танькиными женихами, вели им строгий учёт. Везде и всюду вместе, подружки ближе не бывает.

У Лены в семье трое: старшая Татьяна, брат Сергей и она, Лена, любимица дядь Митина. Но отца Ленка стеснялась из-за частых выпивок и непотребного поведения. Матери побаивалась, с сестрой и братом большая разница в возрасте не роднила, а в Ритиной семье было легко и весело.

Родители Риты были молоды и легко относились к жизни. Никогда не кричали, не пили водку и не пели песен по субботам, не ссорились с соседками.

Ритина мать носила длинный шёлковый халат, ходила по квартире не спеша, придерживая край халата рукой, что для Ленки было удивительно.

Её же матушка по субботам и воскресеньям носилась из кухни в ванную безостановочно, одновременно стирая и стряпая. При этом ругая на чём свет стоит мужа – горе-пьяницу и слегка, для профилактики, поругивая взрослую дочь за воскресную лень и щёлкая Ленку по затылку, если та попадалась под ногу или под руку. Жизнь в Ленкиной семье была громкой, шумной и небезопасной, норовя на любой ноте скатиться в скандал.

Жизнь в Ритиной семье текла ровно, весело и непринуждённо. Лене нравилось и там, и там. Она как будто наблюдала два разных кино, выбирая свой вариант для будущей жизни.

Сандалии не скидывались, пришлось расстёгивать, прыгая по очереди то на одной ноге, то на другой.

– Да вы что, ничего не знаете?! Таню замуж выдают, – Рита захлёбывалась водой и впечатлениями. – Сейчас приедут сваты, и всё, пропала наша девушка, – слова были явно подхваченные во дворе.

– Почему пропала, если замуж?! – молодая Ритина мама улыбалась, улыбался и молодой Ритин папа. – Любит ведь Таня ваша! Так почему ж пропала?! – мать ласково сложила тонкие руки на плечи мужа, и глаза её засветились счастьем. Про великую любовь своих родителей Рита знала всё.

Они познакомились после первого курса института, а поженились после летнего сезона стройотряда того же года. В следующие каникулы Ритин папа поехал один строить Байкало-Амурскую магистраль, а заодно и заработать на кооперативную квартиру для своих к тому времени двух девочек. Он ещё не раз уезжал на заработки, и наконец семья приобрела заветную двушку в новом микрорайоне. Маленькая дочь за это время подросла, и молодая жена успешно закончила институт. Он очень любил своих девчонок.

Спустя годы в Ритиной взрослой голове так и не сложилось оправдательного заключения для ранней смерти матери. В тридцать восемь лет, проходя банальное обследование в поликлинике, она случайно в рентген-кабинете, за перегородкой, где переодевалась после сеанса, услышала коротко брошенное врачом: «Гниёт... Сколько протянет, никто не знает». Придя домой, молодая женщина прилегла на супружескую кровать и больше не встала.

Всего полгода она проболела скоротечным раком и умерла, оставив врачей, мужа и дочь в недоумении.

Через шесть месяцев, стоя у могилы матери, держа за руку убитого горем отца, разглядывая молодых материнских подруг, Рита поняла всю безысходность и безнадежность смерти.

Не ответив ни на один из вопросов относительно справедливости этой жизни и зажав к тому времени уже просвещённым разумом свою глупую душу, побежала дальше по жизни: одной рукой управляя своей, Ритиной, жизнью, другой – крепко придерживая потерявшегося от горя отца.

– Началось, началось! – Рита наполовину протиснулась через прутья балкона и развесила уши.

Представление набирало силу. Её любимая подружка Ленка, подпрыгивая на обеих ногах одновременно от возбуждения и впечатлений, находилась между матерью и тёткой в редкой толпе родственников у входа в подъезд. Материна сестра, родная Ленкина тётка, с высоким начёсом на голове и в кримпленовом платье, для чего-то крепко держала её за руку. В окне за лёгкой ситцевой шторкой маялась невеста Танька. Ей не положено было выходить к сватам, пока не позовут.

А сваха тем временем:

– Я к вам по важному срочному делу: говорят, у вас дочка растёт красивая, какой свет не видывал. Вот, спешу сообщить, что я для неё подходящего жениха нашла: во всём хорош, всем удался. Прошу выслушать меня, я расскажу, почему лучше моего жениха не найти. Да как наш молодой купец! Как красив, умён, силен! – продолжала выводить громко сваха.

Далее шло расхваливание и расписывание молодого жениха по имени Колька. Она искренне старалась. По её словам получалось, что Колька – молодец двадцати – двадцати одного года отроду, успевший перед самой армией закончить строительное ПТУ. Не имеет ни кола, ни двора, ни приличной профессии, самый что ни на есть подходящий муж для Татьяны. Самый выгодный и самый достойный. Собранный любопытством народ изумлялся творчеству и мастерству свахи.

Уж Кольку Кобякина последняя собака знала во всей округе. Ничего примечательного, значимого и доблестного. А тут выясняется, что Таньке крупно повезло!

– Жених наш богатый, на зависть другим...

На дом хватает, своего не упускает.

Конь вороной, статный, сам жених приглядный.

Вот какой чёсанный, глаженный, в рубашку красивую наряженный.

Ест за четверых, работает за семерых.

Трудится исправно, живёт один, без мамы.

Прописан во дворце, две машины на крыльце.

Расписные палаты, да дюже богатый.

– Это вам от жениха! – сваха на время прервалась выводить свои рулады и повернулась к Кольке. Баян замер, Колька растерялся, покраснел и начал искать глазами Таню. Сваха уверенно взяла его руку с букетом и повела будущего зятя к будущей теще.

– А теперь папашу приветствуем... – тут уж Коля уверенно протянул будущему тестю бутылку «Столичной» водки.

Тамара растроганно захлопала глазами, дядь Митя плотоядно начал поглаживать бутылку. Лёгкое замешательство, все растерянные...

– Батюшка и матушка, умная семья, пригожие лица, а мы к вам неспроста, вопросом поделиться, – завелась вновь сваха, – поговорить ладком, посидеть рядком. Долго мы вас искали, все ноги оттоптали, рученьки устали, в горле жар, в сердце пожар, устанет и молод, и стар. Вот, прознали, что есть в вашей семье молодуха, дивная лебёдушка, девушка красоты неземной, души золотой. А у нас есть купец, добрый молодец. Зажиточная фамилия, владеют целой флотилией. Отец – важный человек, матушка – бела лебедица, жених – в любом деле сгодится. Мастеровой, с умной головой, не ленив, не спесив, а ой как красив! Вот зашли мы дело сладить, судьбу молодца наладить. Устали с дорожки, пустите отдохнуть трошки. Всё расскажем, жениха покажем. Понравится, не понравится, вот и спросим вашу красавицу...

Родители, слегка обалдевшие, потеряли последние сомнения – отдавать дочь замуж так рано или придержать ещё на пару годков. У Тамары в голове щёлкало, что придётся Ленкину комнату отдавать молодым, а Ленку – в маленькую, проходную... Сын Серёга вернётся только через год из армии, а там война план покажет.

У отца перед глазами мелькали видения о сладких субботних застольях вместе с зятем. Непонятно было только, что творилось в голове у самой невесты Татьяны.

Танька была первым и скорым ребёнком в семье. Родители Тамары – крепкие хозяйственники – не любили дядь Митю, по молодости звали его Митяем, до смерти любил свою «царицу» Тамару.

До смерти... По науськиванию старших Тамариных братьев в один из вечеров кто-то изметелил Митяя не жалея кулаков. Да так, что, когда привезли в больницу, врач констатиро-

вал смерть. И в тот момент, когда справка о смерти была заполнена, умерший вдруг открыл глаза. Провалившись в больничке больше двух месяцев и едва оправившись, Митяй, подхватив Тамару, бежал, куда глаза глядят, а глядели они в Казахстан.

Здесь, под Алма-Атой, в маленьком городке на берегу искусственного моря, был построен комбинат союзного значения. Сюда, как оказалось, давно метил Митяй в бригадиры. Здесь полгода спустя родилась их дочь Татьяна, ещё через год получили комнату в малосемейном общежитии, а потом... И покатила жизнь, как у всех советских людей, одинаково счастливо.

Дядь Митя никогда не жалел о прошлом, даже в самые раздорные с любимой Тамарой дни, когда накатывала на Митяя чёрная тоска и пил он молча без простоя и без просыху.

А пил Митяй от чёрной тоски, сидевшей занозой...

– Украл, удрал... Трус – вот ты кто! Красотка Тамара женихов имела, как та собака блох... – ворчала покойная маманя, придерживая сигаретку промеж чёрных прокуренных пальцев. – Перед такой королевой ковёр стелить надо, карету с шестёркой вороных... – вздыхала старая карга и, раскинув веером карты, шептала: – Проклят ты, Митька. Имей смелость, возьми девку честно, не крадучи... Свадьбу делай, праздник делай, ай дурак, Митька! – и в сердцах смешивала карты. Замусолив остаток вонючей сигареты в треснутой пополам тарелке из старого китайского фарфора и снова прикурив одну из многих и вечных сигареточек, продолжала: – Девки у тебя будут, дочери все... грустные через мужчин своих... мужей. Эх, дурак ты, Митька, эх дурак! – на грудь принималось пятьдесят граммов водки, и снова карточная колода рассыпалась веером.

Рита устала сидеть между прутьями, но представление, судя по всему, было в самом разгаре.

Сваха и пела, и плясала. Говорила стихами и частушками. Ритины родители, постояв немного обнявшись, ушли в комнату. Девочка глазами искала подружку, но подружки не было видно, только высокая тёткина причёска колыхалась перед подъездом.

Подружка тоже мучилась. Она уже и Кузю погладила, и разбитую коленку поковыряла, и ноготь погрызла, всё переделала. Становилось скучно!

Финал был неожиданным...

Размахивая своими яркими платочными крыльями, сваха вошла в раж: запела звонко, переливчато и, притоптывая ногами, пустилась в пляс. Гармонист развернул меха во всю ширь. От карусели из яркого платочного пятна и широкой юбки рябило в глазах, в ушах стоял громкий звон живой музыки, не хватало медведя на цепочке и цыган. Пахло звонким, шумным праздником и великой пьянкой!

– Да, ить-ть... твою мать! Сколько же можно людям мозги иб... ть?! Пора уж обмыть и пропить это дело на хрен!!! – громогласный дядь Митин выкрик накрыл шум весёлой суматохи... и громко заржал. Дядь Митя прижал к груди бутылку водки.

Сваха онемела с открытым ртом. Весёлый мужик в кепочке шумно свернул свою музыку. Жених, как подавился, вытаращил глаза. Народ оторопел и замер. Митяй, конечно, понял, что он что-то не то сделал, но не понял, что же он всё-таки не то сделал. От боевого крика в воздухе остался пронзительный петушиный вопль, как пух и перья от глупого дурашливого бойцового петуха.

И тут последовало:

– Пальто и шляпа, а в шляпе... – громко, широко, старательно открывая рот с редкими мелкими зубами, прокричала Ленка. – Была бы водка, а к водке глотка! – от души, радостно, как на первомайском празднике или на кухне субботним вечером в обществе весёлого выпивохи-отца, продолжала вопить девчонка.

Фольклор был явно отцовский: ранней лихой молодости. Чувствовалась крепкая родственная связь. Достойная дочь своего отца стояла горой за нерушимость семейно-субботных традиций.

Как выстрел, раздался громкий смачный шлепок – тёткина бдительность не подвела: Ленкин вскрик, и стало тихо.

Солнце садилось, летняя прохлада накрыла двор. Со стороны искусственного моря подул ветерок. Было тихо-тихо. Непривычно тихо. Так тихо, что слышалось, как яростно чешет за ухом дворовый любимец пёс Кузя, а Нюрина кошка Муся, урча, умывается на ночь глядя.

Все уставились на папашу, а он упёрся глазами в свою «царицу», для уверенности и надёжности отводя бутылку водки за спину, так, на всякий случай... Не случилось бы чего с ненаглядной...

Дочь Ленка, давясь обидными и злыми слезами и потирая вмиг покрасневшую попу, задвинулась за отцову спину.

– А чё?! Папка по субботам всегда сначала матерится, потом выпивает стопарик и мы с ним песни поём, – это она спустя неделю, крепко наказанная матерью и отсидевшая положенный срок домашнего ареста за плохое поведение, рассказывала Ритке, объясняя свое необоснованное соло.

Прошло несколько длинных секунд, прежде чем...

– Да как же не понравится, да как же, красавица!
Да таких женихов поискать – не найдешь,
хоть сто раз перебрать.

Молодой, здоровяк и с иголки одет.
Пышет силой, не пьёт, жить будет сто лет.
И потомство здоровое будет у них.
Соглашайтесь скорее: идеальный жених!

Сказанные невпопад слова сделали своё дело: туго натянутая пауза обмякла, обморок прошёл. Толпа как проснулась: прыснул то тут, то там смешок, рассыпался мелким горохом и пропал под сильным звучным голосом:

– Уважаемые хозяева, батюшка и матушка! Принимайте гостя! Ведите в хоромы! Сажайте за столы широкие!

Сваха, покачиваясь в такт затянувшей, но уже без прежнего темперамента новой песни, поплыла в сторону подъезда, за ней – верный баянист с ухмылкой на лице и жених со свидетелями. Тамара с родственниками засуетилась, пропуская сватов вперёд, улыбаясь и кивая головой; в сторону мужа же была выпущена целая артиллерия испепеляющих взглядов, свою мелкую младшую дочь она не нашла в толпе.

Поздно вечером молодая Ритина мама, выйдя на балкон собрать просохшее за день бельё, услышала всхлипы и шёпот. На всё той же скамейке сидела усталая, расстроенная невеста Танька, рядом пьяный от вина и счастья жених Колька.

Невеста плакала, икала и сморкалась в большой клетчатый отцовский носовой платок, омывая светлыми слезами своё состоявшееся будущее. Жених сердечно обнимал её и незатейливо утешал, обещая горы золотые и новую трезвую семейную жизнь.

Год спустя старший сын Тамары Сергей стоял в магазине, в отделе «Вино, водка», и прикидывал, сколько взять вина, а сколько водки, чтобы всем хватило на новогоднюю ночь и ещё осталось на первое число. «Жаль, – думал Серёга, скребя под шапкой ещё не обросшую волосами после армейской службы голову, – с папаней не посоветовался».

В это время родной отец Сергея уже час как лежал в морге. Его нашли замёрзшим на ступеньках товарного вагона, загнанного в железнодорожный тупик. Рядом стояла пустая и звонкая от мороза бутылка с наклейкой «Столичная» и лежал неподвижный пёс неопределённой породы.

Часом раньше «царица» Тамара, колдуя над новогодним холодцом, вдруг почувствовала себя неважно и присела.

«Так, перец положила, лаврушку положила... Где же этот обормот ходит уже сутки после дежурства? Надо Серёжку отправить за ним... Нет, что-то мне нехорошо. Вот придёт, я ему покажу горячего холодца... Нет, всё-таки что-то не так...»

Спустя много лет в такой же летний вечер к подъезду подъехала импортная, редко виданная по здешним местам машина, сверкая блестящими крутыми боками, ручками и фарами. В подъезд тихо и незаметно вошли серьёзные парни в громоздких пиджаках с огромным букетом и многочисленными раздутыми продуктовыми пакетами. Из открытых окон не было слышно оживления. Зато был слышен частый переливчато-счастливый Ленкин смех. Через час все из дома вышли, а вместе с ними и весёлая Лена с небольшим серым чемоданом на колёсиках. Багаж погрузили в багажник.

А Ленка, вдруг ставшая к тому времени Еленой прекрасной, собравшись исчезнуть, за дверью машины оглянулась и без сожаления весело помахала постаревшей матери в окно:

– Пока, мама!!! Я позвоню...

Машина плавно двинулась вперёд. Двинулась и она в свою новую незатейливую жизнь.

Экспедиция

С Лерой она училась в параллельных классах. Не дружили, нет, только приятельствовали. Дружили матери. Обе работали воспитательницами в детском саду.

Они, молодые мамочки – подружки, приходили рано утром и первыми открывали лёгкие двери на толстой пружине с прикрученными табличками с названиями своих групп. В сончас увлечённо болтали, перетирая мелкие косточки своих подопечных, на общей коридорной площадке, придерживая ногой – каждая свою – всё ту же пружинистую дверь, и вместе под вечер, раздав детей родителям, неторопливо шли домой.

Лерин отец, военнослужащий, майор-пехотинец, вёл жизнь куда разнообразней. Долгое время курсировал с маленьким чемоданчиком под названием «балетка» между двумя домами. От одной семьи к другой, от одной женщины к другой. В один вечер Лерина мама положила конец его метаниям, попросту не открыв ему дверь.

На выпускном вечере всю торжественную часть обе девочки были невесёлыми. Рита грустила по умершей маме, Лера – по окончательно определившемуся отцу. На чай с тортом не остались. Незаметно ушли домой.

Всю последующую жизнь Лера не интересовалась жизнью родного отца. Словно он умер вместе с Ритиной мамой.

Встретились обе уже находясь в ранних замужествах.

У Риты первый четырёхлетний семейный опыт себя исчерпал – всё шло к разводу, Лера же находилась в пьянительно-счастливом периоде, её брак длился второй год.

Столкнулись в торговом центре. Узнали друг друга. Обнялись. Расцеловались. Задались первые важные вопросы: как живёшь, где, что, замужем?

Лера радостно сияла ямочками, жестикулировала маленькими руками и потряхивала жидкими деланными кудрями. Всё в ней, как всегда, умиляло: маленький рост, громкий рассыпчатый смех, блеск светло-голубых глаз и яркость белых зубов. Шумная и весёлая, Лера осталась Лерой.

– А ты? – она заглянула Рите в глаза.

Рита тоже рада встрече. Двумя-тремя фразами описала свой ранний скоропалительный брак и торопливо предложила увидеться как-нибудь, поболтать. Напоследок обменялись телефонами, не прощаясь, расстались.

В первые зимние дни увиделись в модном кафе. И двух часов не прошло, как Рита получила несколько предложений: приглашение на семейный праздник, посвящённый дню рождения мужа, далее – составить компанию для поездки на родительскую дачу и там познакомиться со свёком, в последнее время постоянно проживающим на свежем воздухе, и непременно взять телефон Лериного врача.

– Тебе обязательно надо познакомиться с моим мужем. Ритка, он прелесть! Нет, правда! Когда ты его увидишь, обязательно влюбишься!

– Непременно! – отшучивалась та.

Также Лера звала на выставку древних захоронений.

– Каких хоронений? – переспрашивала Рита.

– Древних! – хохотала Лера. – Древних захоронений! Мой Дима – учёный. Историк. Точнее сказать, заведует кафедрой археологии. Он – археолог. Есть сведения о проживавших в Центральном Казахстане почти две с половиной тысячи лет назад воинственных и могущественных сарматских племенах. Они потом перекочевали на Каспий. Впрочем, я в этом мало чего понимаю. Но знаю точно, с ним работают мировые ребята. Все умные, воспитанные. А красавцы какие! – Лера закатила глаза. – Так что достойного мужского внимания будет предостаточно. Тебе надо на них посмотреть!

Сошлись пока на одном: без объявления мужу сходить в краеведческий музей в день его дежурства. Познакомиться с ним, увидеть, так сказать, в деле, оценить Лерин выбор, а заодно и счастливую Лерину семейную жизнь.

Неделю спустя встретились у входа в музей. Толкнув тяжёлую дверь, девушки попали в длинный тёмный коридор.

– Не сюда, нам туда... – Лера уверенно вела подружку под руку по гулкому узкому пространству. Наконец открыла низкую дверь, две ступеньки вниз, и завела в светлую от искусственного освещения комнату без окон: – Вот он! – торжественно представила Лера.

Навстречу из-за письменного стола вышел невысокий, коренастый, с улыбочивым породистым лицом мужчина в круглых очках. Здороваясь, протянул широкую тёплую ладонь. Рита смотрела на него во все глаза. Позже она удивлялась самой себе: и чего я так откровенно тарасилась на него?

Но смотреть-то как раз было на что.

Поблёскивали ярко-синие глаза за стёклами очков, попыхивала трубка, любезно предложены чай-кофе, и как-то сразу состоялся общий дружелюбный разговор. Рядом с ним было удивительно уютно. Будто этот человек ждал именно твоего визита. И хорошее настроение, и тема интересной беседы, и... даже чайник уже готов. Всё, всё так приятно и так знакомо.

– Ну ты, Лерка, даёшь! – Рита растерянно улыбалась вслед извинившемуся и отошедшему с телефоном Дмитрию. – Он же на твоего отца похож! И не просто похож, а... двойник прям какой-то!

– Да, так получилось! – довольная Лера пожала плечами. – Правда, мой профессор симпатичный?

– Очень! Счастливая ты! – вздохнула Рита.

– Завидуешь?! – засмеялась Лера

– Ещё как! – и смеются уже вместе.

– Разница у вас большая, не смущает? И вообще, где ты его нашла?

– О-о-о! Это долгая история! – Лера делается грустной. – Потом как-нибудь расскажу.

Дружба Риты с Лерой состоялась не сразу. То коротко говорили по телефону, то, встретившись по договорённости, часами обсуждали свои и чужие события, то не общались месяцами по причине занятости в основном Риты.

В тот год в университете доктор исторических наук заведующий кафедрой Петров Дмитрий Дмитриевич был очень популярен. Много выступлений, статей, докладов и разной научной работы. О том, что женат, знали немногие.

К концу весны подруги уже побывали на нескольких университетских и кафедральных мероприятиях, где главным лицом был Дим Димыч.

Рита смотрела на него и не переставала удивляться. Сходство было потрясающее. С той лишь разницей, что Лерин папа пользовался собственным мужским обаянием, как морской бог Посейдон своим трезубцем, – наповал. А муж, в отличие от невиданного им никогда свёкра, как будто и не подозревал о своих чарующих способностях.

Университетские девицы энергично толкались вокруг Димыча, а он, смущаясь, искал глазами свою молодую жену.

– И он любимец барышень! – кивнула в его сторону Рита, намекая на Лерины семейные мужские традиции.

– Да, все хотят с ним дружить! Мне и не жалко. Он же почти профессор... Ах, да, я ведь уже говорила! И при этом ещё какие-то... перспективы. Его в Москву приглашают работать. На дворе середина восьмидесятых двадцатого века, а у него редкая тема для археологии. Так сказать, представляющая интерес для научной общественности, и есть даже открытия. Что там можно ещё открыть, я не понимаю?! Но это секрет. Впрочем, сейчас это уже секрет полишинеля, – Лера со скупающим видом разглядывала мужа в окружении молодёжи. И вдруг неожи-

данно добавила: – Знаешь, я недавно поняла, мама сама виновата в том, что отец из семьи ушёл. Могла бы свою гордость унять. Да и чемоданчик этот всё перед глазами стоит, могла бы... его выбросить. Папаша родимый, глядишь, и дома бы осел, – всё это она произнесла как-то отстранённо, как будто говорила вслух сама себе. Это Риту удивило, но она промолчала.

В истории знакомства Леры и Дмитрия Дмитриевича Петрова ничего особенного и нечто скрываемого от других не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.